

Чэн Пэнфэй не был так чувствителен к камерам, как он, поэтому ничего не заметил. Вероятно, эти папарацци были здесь, чтобы выудить информацию о Дуне.

Дун Чуань не хотел сам разбираться с этим, поэтому просто позвонил Дун Хаю и сказал:

— Кто-то плетёт интриги против твоего зятя.

На следующий день папарацци исчезли.

[Примечание автора: Ещё раз отвечаю на вопросы о дополнительных главах: текст уже готов, при исправлении опечаток могут появляться ошибки с обновлением дополнительных глав. Все дополнительные главы будут опубликованы после завершения основной истории. Также планирую написать дополнительную главу на тему ревности. Кто хочет увидеть, как маленький актёр ревнует, а кто — как Пэнфэй ревнует?]

Дун Чуань был немного разочарован, сидел, закинув ногу на ногу, и сказал:

— Ну что, вы оба считаетесь ветеранами этой компании, работали со мной так долго, об актёрском мастерстве я даже не говорю, это талант... но вы даже не смогли нормально подставить человека?

Вэй Дун, только что повесивший трубку, услышал это.

...

Цзян Чэнцзе не понял скрытого смысла его слов и сказал:

— Ха, маленький актёр, фотографии уже у меня, и я могу выложить их в сеть в любой момент. Чэн Пэнфэй потеряет репутацию за пару часов. Вы сейчас со мной так дерзко разговариваете, а чего ради? В общем... мой контракт заканчивается, и я больше не хочу оставаться в этой компании.

Сюй Ипин, сжав губы, потянул Цзян Чэнцзе, словно просил его замолчать.

Дун Чуань же рассмеялся, наклонившись вперёд:

— Сяо Цзян, тебе уже за тридцать, а ты до сих пор не понимаешь, что происходит. Сегодня я скажу прямо: попробуй передать эти фотографии папарацци, посмотрим, кто осмелится их опубликовать, кто посмеет тронуть меня, Дуна. Если ты найдёшь хоть одного, я сегодня же расторгну с тобой контракт, и студия оплатит все штрафы.

Цзян Чэнцзе, с лицом, перекошенным от злости, набрал номер телефона.

— Алло? Это Цзян...

— Цзян Чэнцзе? Ты совсем с ума сошёл? Ты просто сказал мне сфотографировать Чэн Пэнфэя, но не сказал, что его любовник — Дун Чуань!

— Какая разница, в любом случае вы заработаете.

— Какая разница? Ты знаешь, кто брат Дуна? С тех пор как он пришёл в индустрию, ты хоть раз слышал, чтобы папарацци говорили о нём плохо? Он один смог опустить акции «Хэнсин» на тридцать процентов, и ты думаешь, что это только его заслуга? За ним стоит вся семья Дун, понимаешь? Если ты действительно не хочешь оставаться в этой индустрии, то не тяни за

собой других.

Цзян Чэнцзе с яростью бросил телефон и сказал:

— Если папарацци не хотят публиковать, я сам это сделаю.

— Конечно, можешь, свобода слова. — Дун Чуань был совершенно спокоен и тихо добавил:

— Ты скоро расторгаешь контракт, верно? Слышал, что съёмочная группа «Убийства цветов» требует с тебя миллион юаней за нарушение контракта, и ещё все эти расходы на пластические операции... немало, да?

— Что ты хочешь?

Дун Чуань покачал головой:

— Я ничего не хочу. Просто говорю тебе. После того как ты уйдёшь отсюда, никуда больше не сможешь устроиться. Я буду звонить каждому генеральному директору и спрашивать, как у них дела, и рассказывать, что у меня в компании есть предатель, который только что расторг контракт, ему за тридцать, сериалы он снимать уже не может, в кино связей нет, а в реалити-шоу он и вовсе не нужен. Как думаешь, что ответят эти генеральные директора?

Они предпочтут ради тебя поссориться со мной или просто выбросят тебя, как грязь у порога, по которой все могут ходить?

Сюй Ипин, поддерживая бледного Цзян Чэнцзе, вышел из кабинета. Вэй Дун закрыл дверь и вздохнул:

— В последний раз я видел тебя таким злым, когда папарацци сфотографировали твой дом.

Дун Чуань холодно фыркнул:

— Что за ерунда...

— Даже заяц, если его загнать в угол, укусит. Ты действительно не оставил ему ни капли достоинства?

— Достоинство? Сколько оно стоит? Пэнфэй ради «Убийства цветов» пил с У Цзюнем три часа, вернулся и вырвал четыре раза, но ни слова не сказал мне. А кто-то просто продал свою задницу и получил чужие достижения... Ха, я до сих пор не выпустил этот пар, а он сам полез на рожон. — Дун Чуань сделал глоток чая и добавил:

— К тому же, если я уже поднялся так высоко и должен думать о большом, то зачем я тогда здесь?

Вэй Дун, услышав это, понял, что он действительно разозлён.

Он работал на семью Дун и не хотел раздражать своего главного босса.

Зная, что его не переубедить, Вэй Дун посмотрел на часы:

— Я найду людей, чтобы следить за ними. Что ты планируешь делать?

Дун Чуань, с мрачным лицом, сжал губы:

— История между мной и Пэнфэем всегда была под угрозой. Лучше действовать на опережение.

— Ты хочешь...?

— Мой день рождения уже запланирован?

...

Чэн Пэнфэй вернулся на съёмочную площадку для последних сцен. Изначально Саньцянь написал два финала, они выбрали один, а режиссёр — другой.

Он выбрал этот финал по простой причине: у Сюй Цзина не было Дуна, его Дун был лишь вымышленным другом по переписке. А у Чэн Пэнфэя был настоящий Дун, человек, который любил его и держал в своём сердце.

Саньцянь сказал, что этот персонаж был написан специально для Чэн Пэнфэя.

Но Чэн Пэнфэй знал, что это было главное отличие между ним и Сюй Цзином.

Чэн Пэнфэй репетировал всю ночь и на рассвете уже был во дворе.

Во дворе росли ночные фиалки, и, хотя небо ещё было тёмно-синим, цветы не закрылись. Навязчивый аромат заполнял воздух, и даже утренний бриз казался немного соблазнительным.

Он сидел на пороге, пока не пришёл режиссёр, затем команда, и, наконец, Дун Чуань, который, увидев его, облегчённо улыбнулся.

— Так рано встал.

Чэн Пэнфэй кивнул, встал, обнял Дуна за талию, делая вид, что не замечает его удивления, и улыбнулся:

— Доброе утро.

Сказав это, он направился к режиссёру для обсуждения сцены. Члены команды переглянулись, чувствуя, что их отношения выглядят необычно близкими. Те, кто понимал, молча опустили головы, только обмениваясь взглядами.

Знающие — молчат, незнающие — не спрашивают.

Это было необходимо для выживания на съёмочной площадке.

Это была последняя сцена.

Чэн Пэнфэй закрыл глаза, услышав звук хлопка, и его лицо мгновенно изменилось.

Он был в панике, слыша крики и удары из соседней комнаты.

— Не бей! Не бей! Я виноват... Я действительно виноват...

— Сучка! Чего ты ухмыляешься перед этим мужиком? Ты смеешь флиртовать с ним прямо при мне? Ты заслужила, чтобы я тебя выпорол? Сучка, я сегодня тебя проучу!

— Я не... Не бей, пожалуйста, умоляю...

— Я сам видел, а ты ещё отрицаешь? Может, когда меня нет дома, ты приводишь этого ублюдка к себе? Да? Сучка... Я сегодня тебя проучу... Куда ты прячешься? Иди сюда!

— Пожалуйста, я виновата, не бери... не бери нож... Ты пьян, дорогой... Правда, я не виновата, не бери нож, хорошо? Пожалуйста, ты можешь бить меня ногами... Я умоляю тебя, не бери нож! Не надо!

Сюй Цзин вздрогнул, даже костыль выпал из его рук, и он, дрожа, свернулся на кровати.

Он словно что-то представил, резко натянул одеяло на себя, а его руки, торчащие из-под него, сжали ткань до белизны.

Через некоторое время снаружи наступила тишина.

Сюй Цзин приоткрыл одеяло, его лоб был покрыт холодным потом.

Почему нет звуков? Почему?

Почему ничего не слышно?

Сюй Цзин дрожащими руками опёрся на кровать, осторожно выглянул.

Всё ещё тихо, ничего, ни звука.

Сюй Цзин, словно борясь с собой, не знал, что делать. Костыль лежал на полу.

Жена соседа была доброй женщиной, часто приносила ему еду. Когда он платил за электричество, она напоминала ему об этом.

Сюй Цзин стиснул зубы, с трудом поднялся, взяв костыль.

На столе лежало письмо от друга по переписке, которое он только что получил и ещё не открыл.

<http://bllate.org/book/15547/1413559>